

Андрей Платонов

Хлеб и чтение

ФТМ

Андрей Платонов

Хлеб и чтение

«ФТМ»

1931

Платонов А. П.

Хлеб и чтение / А. П. Платонов — «ФТМ», 1931

«Организовать чтение для трудящихся путем проводки электричества вполне мыслимо. Для сего потребуется двести тысяч тонн меди. Организовать же хлеб, как выражается товарищ Чуняев, нельзя, – для устройства электрической пахоты нужны уже миллионы тонн той же меди, не считая стали для тросов и плугов, специальных электропередач и так далее. Конструктивных трудностей я здесь не касаюсь. Хлеб, добытый таким способом, будет настолько дорог, что, если бы мы задумали пахать путем упряжки в плуг миллиардов насекомых, хлеб показался бы нам страшно дешевым, по сравнению с электрическим хлебом...»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Платонов

Хлеб и чтение

Жил на свете рыцарь бедный...
Пушкин

1

В апреле 1920 года по освещенной утренней равнине Советской России тихо ехал испорченный, больной паровоз № 401 серии «О-в», с небольшим составом вагонов; клапана машины парили, в дышлах явственно слышался опасный стук, потому что стальные пальцы на колесах сработались и труба паровоза была смята, как голова у дефективного человека.

Из окна машины глядел в пространство пути исхудалый юноша машинист, а его ровесник – помощник шуровал топку одной левой рукой. Лицо машиниста обросло мягкой шерстью молодости, почти пухом, – он брился всего раза четыре в жизни, и притом не бритвой, а ножом, отточенным на бандаже паровоза; сумрачные глаза юноши уже выцвели от ветра и от внимания к далекому пространству, губы ссохлись, будто время шло на большой возраст, и кожа, не имея напора из туловища в виде жирового запаса, износилась в морщины; но зато кости машиниста сильно разрослись, заменяя нежность и мягкость прочной твердостью, и руки приобрели мощные размеры, годные для работы на несовершенной машине, и жилы его развились в толстые заросли по всему телу, способные выдерживать любое давление крови при напряженных усилиях жизни; и вместе с тем странное старчество размышления уже лежало печалью на лице механика.

Помощник машиниста был человек послабее; он еще сохранил младенческую полноту конопатого лица и, глядя в жар топки, скучал о своих умерших родителях. Голова его сохранила громадный круглый размер, выражение взгляда запавших глаз было невинным и кротким, а правая рука его не действовала – она иссохла костью до толщины пальца и висела мертвой плетью, поэтому машинисту приходилось иногда самому работать с топкой.

– Семен! – сказал помощник машинисту. – Надо воды взять на Разгонной и гром-буksы немного подбить: они сильно парят чего-то...

– Не нужно, – ответил механик. – Воды в тендере хватит, а гром-буksы не подбьешь: поршневые скалки разработались неровно... Скоро и так доедем, скоро конец нашей езде...

– А паровоз наш куда пойдет? – спросил помощник. – В ремонт станет?

– На кладбище, – проговорил Семен. – Он уже давно уморился... До нас он возил броневые площадки, с нами он таскал снаряды, потом фураж для кавалерии, красноармейцев, потом хлебные сухари с юга... Сейчас мы везем последних тифозных, но машина сама уже идет в больном бреду: ты же видишь!

Позади паровоза было прицеплено четыре теплушки и один классный санитарный вагон; в теплушках лежали выздоравливающие тифозные красноармейцы, завалившиеся по деревьям, – они проболели всеми тифами и всеми осложнениями и очнулись вполне только теперь, после победы над империализмом, победив без помощи науки, в окружении равнодушных мужиков, томительную заразу смертельного одурения.

Красноармейцев везли в губернский город на отдых и демобилизацию, они смотрели теперь в мировую весеннюю свежесть удивленными глазами и зорко следили за восходом солнца над растравленными теплотой полями: точно ли сбывается с ними жизнь! С особой бдительностью они наблюдали попутные сельские погосты, расположенные обычно в отдалении от жилых избышек, на склоне какой-нибудь заглохшей балки; там под православными

крестами лежали загубленные белыми красноармейцы, похороненные верующими родственниками, и тело их погрузилось в вечную безвестность; хотя нельзя сказать наверно – навеки ли они расстались с жизнью: может быть наука при полном торжестве коммунизма начнет воскрешать погибших, потому что сердце будущих людей должно будет глубоко и трогательно чувствовать ложь исторических фактов, – оно потребует ответа у всех бушующих стихий природы и направит свою дружелюбную силу и нежность не только на будущее, которое и так будет отличным, но и на прошлое, где в темницах земли лежат умолкшие герои, тогда как на солнечной поверхности остались быть может одни ликующие стервецы. Каждый из уцелевших красноармейцев подумал еще, не сказав никому другому, что и его ожидала несколько лет гробовая теснота, но он не обратил на это внимания, потому что дело было не в своей жизни, а во всемирной.

В классном вагоне ехал детский дом, собранный из фронтовых сирот. Этот дом отправлялся на север, чтобы бездетные рабочие могли усыновить младшее поколение и найти семейное счастье.

Не доезжая Разгонной паровоз прекратил свой ход. Машинист Семен Душин, не прикрыв регулятора, стал глядеть в поле, всегда казавшееся ему загадочным. Он уже привык, что его паровоз иногда останавливался сам по себе, а потом, побыв в покое, снова начинал постепенно ехать. Никакой резкой внезапной поломки в паровозе не случалось, но машина прекращала движение и стояла неопределенное время, а затем вдруг трогалась вперед. Видимо, паровоз настолько был измучен тягостью составов, огнем, скоростью и ветром – на протяжении всех войн и революций, – что уже походил немного на человека – наиболее измученное вещество.

Вскоре паровоз № 401 снова поехал в даль со своим грузом детей и красноармейцев, а в полдень подошел к городу Ольшанску, станции своего конечного назначения.

Не доезжая Ольшанска паровоз умер: из котла пошла в топку вода и огонь потух.

Механик Душин и его помощник Щеглов спустились из машины на землю и постояли около паровоза, чувствуя тоску и недоумение – оттого, что приходится расставаться с привычным беспокойством жизни, с двумя годами молодости, прожитыми на этом паровозе среди войны.

Душин огляделся в местности: близ пути, в полосе отчуждения, стояла необитаемая будка сторожа с отзвонившим сигнальным колоколом, наверно вся загаженная внутри бродягами и дезертирами. Машинист подумал, что в этом домике можно хорошо жить и думать; затем он обтер концами в последний раз ведущий механизм паровоза и пошел в депо требовать резервную тягу и составлять ведомость дефектов для сдачи своей машины.

2

Через четыре дня Душин и Щеглов явились в Ольшанский Технологический Институт для продолжения своего учения. Два года назад, когда революцию начали убивать со всех сторон мира, когда пролетариат мог отступать только по дороге к Ледовитому океану, всех рабочих, учившихся в Ольшанском Институте, отправили работать на различные механизмы и аппараты, направленные против буржуазии. Душин – бывший кочегар и Щеглов – бывший подмастерье с фабрики будильников попали на паровоз и ездили на нем два года по всему пространству юго-восточного фронта, ночуя около теплого тела котла, когда бывала ночная стоянка, или в вагоне-теплушке, если паровоз остужался на промывку.

Оба они, и Душин и Щеглов, учились на третьем курсе электросилового факультета, и теперь, слушая сопротивление материалов или расчет турбогенераторов, они часто отвлекались от текущего предмета со внезапным чувством воспоминания и наблюдали звезды в уме, под которыми они вели воинские эшелоны во тьму фронта и всеобщей будущей судьбы – до победы или до забвения в земле; Душин чутко ощущал напряжение машины и сознавал на звук величину трения, работу масла в буксах, общее настроение всего паровоза – и старался разгадать во мраке профиль незнакомого пути: в те времена путевые сторожа не давали сигналов безопасности – их домики при рельсах стояли ночью без света, без звука и без животных на дворе – сторожа вымерли, были убиты или исчезли в общую безвестность старины, поэтому рельсы мгновенно могли окончиться и закончить жизнь мчащихся по ним людей; но в вагонах пели красноармейцы, Душин давал во тьму долгие гудки угрожающих предупреждений и глядел в ветер, поднятый скоростью из тишины воздуха, – смертельная опасность длилась и не свершалась; но однажды она свершилась: Душин спешил со снарядами через темные степные залежи на юг; осенний день давно уже обратился в тесную тьму и паровоз шел в ней, как в туннеле. Душин слышал только немеющий гул мрака и глядел вперед, как ослепший, не чувствуя своего зрения; вдруг впереди паровоза заплакал жалобный человеческий голос – с такой ясностью неподвижности, будто все на свете молчаливо стояло, а не стремилось – и затем паровоз Душина ударил стальным фронтом в невидимый жесткий предмет, и предмет тот, разъявшись на гибельные части, дал огненную вспышку сопротивления и умолк, осветив беззащитный состав из платформ и крытых вагонов, а паровоз начал громить и терзать темный стоячий эшелон, подпираемый прессующей силой своей разогнанной гнетущей тяжести; разбив глухие вагоны на той потерянной станции, поезд Душина свободно ушел в дальнейшую ночь, и машинист уже никогда не мог узнать – кого же он разбил на месте грудью бегущей машины – красноармейцев, империалистов или каких-нибудь прочих – бессознательных и безответных: где теперь их кости и кто теперь вспоминает своим сердцем тех внезапно умерших? Душин и Щеглов ясно понимали катастрофу, когда терлись паровозом о чужеродное ревущее железо, но Душин даже не закрыл работающего пара и стоял неподвижно – в увлечении своей близкой смертью, равнодушно замерев перед нею, чтобы не испугаться.

После ученья, вечером, студентам Института раздавали по куску хлеба и они уходили домой, а некоторые из них оставались в пустынных аудиториях и съедали хлеб тут же. Оставшиеся собирались вместе и проектировали мелом на доске устройство будущего света; Душин предлагал создать социализм на простой силе рек и ветра, из которых будет добываться электричество для освещения и отопления жилищ и движения машин, а материнское, девственное вещество земли нужно не разрушать и не трогать – оно должно впоследствии послужить науке для суждения о неясной судьбе вселенной и ответить на вопрос жизни – правильно ли действует частный разум людей и их небольшое чувство в сердце, когда человечество желает отрегулировать течение мира, – или человек лишь мнимое существо и ярость его действий

есть бой невесомого, а стихия всемирного вещества исчезает мимо в неизвестном гремящем направлении к своему торжественному концу.

Душин хотел, чтоб земля пролежала нетленным гробом, в котором сохранилась бы живая причина действительности, чтоб социалистическая наука могла вскрыть гроб мира и спросить сокровенное внутри его: в чем дело? – и слух точной науки тогда услышит, быть может, тихий, жалобный ответ.

Душин боялся втайне, что последующие люди разовьют такую энергию действий, что без остатка уничтожат все мировое вещество и больше ничего не случится.

Щеглов также был согласен с неприкосновенностью земного шара, потому что его отец и мать, четыре сестры и семь братьев лежали в могилах, а он жил один и должен теперь привлекать к научной ответственности все сокрушительные силы непонятого пространства. Однако, когда Щеглов смотрел глазами исподлобья в высоту ночи или видел истощение людей во взаимной истирающей суете, он понимал, что человек есть местное, бедное явление, что природа обширнее, важнее ума и мертвые умерли навсегда.

Пожилой студент Боргсениус, променявший жену-шведку и двоих детей на коммунизм в России, сделал расчет о силе рек и ветра, и силы той получилось достаточно, чтобы пропитать и согреть двадцать миллиардов людей.

Далее рабочие студенты приходили к вопросу об электричестве. К тому времени уже по всей стране революции шли слухи об этой таинственной силе, о молниеносном предмете, похожем в точности на Октябрьскую революцию, и все думающие большевики также озадачивались перед фактом электричества. В некоторых деревнях, как раз самых дальних и забвенных, председатели сельсоветов совместно с кузнецами и конторщиками уже строили электрические станции около публичных колодцев, пользуясь мотоциклами, брошенными убежавшими империалистами, – при этом, вследствие отсутствия бензина, моторы мотоциклов гонялись самогоном, добытым из хлеба, а так как самогон горел в моторах плохо, то к мотору прибавлялся местный ум машиниста – и моторы все-таки вращались, а в темных избушках горел свет.

Студенты-электрики понимали, что это мотоциклетное избушечное электричество есть заблуждение с технической стороны, но сердце каждого волновалось от воображения работающего тока во тьме и скуке бедняцкой земли. Узнав про такое событие, Душин засмеялся от радости и сказал всем, что от электричества в соломенной грустной избушке, может быть, начнется весь социализм, – это Октябрьская революция, превращенная из надежды в вещество.

– Нам надо, – сказал Душин, – сходить в комитет партии, пусть большевики постараются подумать об этом, пусть они надышат своей политикой теплоту в те электрические избушки, чтоб они не остыли и не потухли в таком темном, царствующем холоде...

Коммунист Боргсениус решил, что лучше всего сходить в комитет партии самому Душину – он хороший электрик, хотя пока и беспартийный, пусть объяснит точно свое мнение.

Душин пошел на другой день в комитет. Комитетом заведовал бывший истопник центрального отопления Чуняев; он обладал таким любопытством, что прочитал все архивы Земской Управы и Палаты Мер и Весов – перед тем, как сжечь их в топке водяного котла. Чуняев усвоил сообщение Душина со всей громадной силой своей души, непрерывно готовой на любое пышное и грандиозное дело, и даже прослезился от слабости человеческого сердца. Одного он не понял – берегущей любви Душина к таинственной раскаленной точке, засветившейся в унылой тьме нищего пространства и того, что, может быть, больше ничего не требуется для сплочения коммунизма на земле, кроме развития электричества из рек и ветра. Коммунизм уже близок, он таится в проводах, повешенных на истлевший плетень!

– А это что такое – электричество? – спросил затем Чуняев, уже согласившись на все. – Радуга, что ли?

– Молния, – объяснил Душин.

– Ах, молния! – согласился Чуняев. – Вон что! Ну пускай! А ведь и верно, что нам молния нужна! Как ты догадался? Мы уж, братец ты мой, до такой гибели дошли, что нам действительно нужна только одна молния, чтоб – враз и жарко! Научно и великолепно!.. Ну а тебе-то чего надо?

Душин выразил желание съездить в деревню – посмотреть электрическую станцию, а потом поставить добычу электричества во всенародном масштабе.

– Буржуазия, товарищ Чуняев, отчего была культурна? – спросил Душин. – У нее был пролетариат, который работал, а буржуазия только питалась и размышляла...

– Она не размышляла, она размножалась, – поправил Чуняев. – Делала вид размножения, а получалось одно наслаждение...

– Ну не размышляла, – согласился Душин. – Но у нее было время для размышления. А у пролетариата ведь нет никакого – ему самому приходится работать, ему задуматься некогда над разными вопросами мира! Вот и пусть теперь электричество поработает, а рабочий класс подумает – ему много задач предстоит в судьбе!..

– Опять-таки верно! – воскликнул Чуняев. – Пускай рабочий класс поработает с мирозерцанием, а не с балдой, пускай электричество-сволочь теперь помучается! Она ведь не живая?

– Неизвестно, – ответил Душин. – Оно тайное.

– Ну и пусть! Орудуй! Что надо – являйся ко мне – круглые сутки!

– А как же начать орудовать? – спросил Душин.

– Как-как! – раздражился Чуняев: сам он умел орудовать безо всего, даже без указаний. – Учреждаю комиссию по всему электричеству в губернии, а ты председатель! Ты член партии?

– Нет.

– Ну ничего. Будешь в виде исключения... А отчего ты не член?

– Сам не знаю, – произнес Душин.

– Зря! Напрасно! Никуда не годится! – выразился Чуняев. – Что ж ты, иль не хочешь смысл жизни строить с нами среди всего вещества? Ты чуждый что ль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.